

Фразу о счастливой старухе Татьяна Ивановна Пельтцер впервые произнесла на праздновании своего 70-летнего юбилея. Затем она частенько повторяла ее, и именно такой актрису запомнили миллионы поклонников... Память жива, несмотря на то, что Пельтцер давно уже нет с нами: 16 июля исполнится 10 лет со дня ее смерти.

Военные называли ее «товарищем Пизнером»

— Есть актрисы хорошие, есть модные, а есть — незаменимые, — уверен Александр Ширвиндт. — К примеру, Фаина Раневская — нет аналогов. Татьяна Пельтцер — тот же вариант! Штучный экземпляр. Этого не могли не признавать даже коллеги по цеху, несмотря на общепринятое ревностное отношение к чужой славе.

Триумф Татьяны Пельтцер выпал на 60-е. В одночасье она стала прамой популярнейшей столичной Театра сатиры. Ее наперебой звали сниматься в кино: сценарии сыпались как из рога изобилия. Правда, роли предлагали одинаковые, характерные — матери, бабушки, тетки... Оно и понятно: впервые Пельтцер появилась на экране в 39 лет — это было в 1943-м (роль колхозницы в фильме «Она защищает Родину»). Простонародная тематика получила дальнейшее развитие — вплоть до апофеоза, матери в «Солдате Иване Бровкине». По словам постановщика фильма Ивана Лукинского, изначально роли Евдокии Бровкиной особого значения не придавалось — образ высветила Пельтцер, и потому в следующей картине, «Иван Бровкин на целине», Евдокия писалась уже специально под нее. Татьяну Ивановну стали узнавать на улицах... Сама же Пельтцер долго не верила в свою популярность — до тех пор, пока в далеком армейском гарнизоне в ГДР молоденькие вояки не кинулись к ней с радостным криком: «Здравствуйте, товарищ Пизнер!»

Ее мгновенно окрестили «матерью русского солдата». Режиссеры дружно взялись эксплуатировать клише — благо Пельтцер не отказывалась от съемок, она безумно стеснялась по работе и признанию. К тому же она умудрялась не повторяться в творчестве. Вообще феноменальный случай: Татьяне Пельтцер никогда — ни единого раза! — не предложили главную роль, только второстепенные.

В то же самое время на подмостках Театра сатиры, где Пельтцер прослужила тридцать лет, ею были сыграны роли мамы Кураж, френкен Бок, мадам Ксидиас в «Интервенции», Марселины в «Женитьбе Фигаро», тети Тони в потрясающем спектакле «Проснись и пой!»... Она умела все, решительно все: причитать по-бабьи, смачно материться, выставить ножку в реверансе, лезть по заборам, гонять на крыше троллейбуса (это в семьдесят-то лет!)...

— Под конец жизни, когда Татьяна Ивановна сильно страдала атеросклерозом, специально для нее писались роли практически без слов, — вспоминает Александр Абдулов. — Вместе с ней мы исполняли финальную сцену в «Поминальной молитве»: я — Менахем Мендл, она — матушка. Знаменитая реплика: «Степан? Какая редкая фамилия в еврейской деревне!» — это оттуда. Татьяна Ивановна перепутала слова. По Горину Степан конечно же имя, но Захаров решил не исправлять Пельтцер. Сейчас эту

роль играют другие актрисы, текст — прежний...

Говорила Захарову, что он не смыслит в режиссуре

— А вы знаете, что в 1934-м Татьяну выгнали из театра МГСПС (ныне Моссвета) за профнепригодность? — рассказал мне худрук Ленкома Марк Захаров. — Не каждый может оправиться после такого удара. Тем и жестока профессия актера: не «увидел» режиссер — считай, все!

Путь Пельтцер не был усыпан розами. Несмотря на лавры отца, известного московского актера и режиссера, ранние театральные дебюты, опыт, полученный в гострольных поездках по всему Союзу, постоянно появлялось что-то, препятствующее движению вперед. Актриса порой совершала поступки необъяснимые. Представьте себе: удачно выскочив замуж за немецкого философа Ганса Тейблера, прожив с ним четыре года в сытой Германии, она разводится — и возвращается в Россию. Что было причиной? Влюбленность в некоего русского инженера? Тоска по родине? Дома Пельтцер ждали сплошные неудачи. После трех лет «мук творчества» ее выгоняют

из театра МГСПС, затем — работа в провинциальном театре в Ярославле, снова — столица, должность машинистки на заводе, вновь — МГСПС, Колхозный театр, Театр миниатюр, и только потом — Сатира... Лишь в сорок лет к ней пришло профессиональное признание.

Почему не раньше? Может, купеческое происхождение матери тому виной. Либо — немецкий экс-муж. При подобных обстоятельствах в Стране Советов полагалось не высовываться. А вот это Пельтцер было решительно

бимым режиссером Захаровым.

— Мы познакомились при удивительных обстоятельствах, — вспоминает Захаров. — Меня пригласили в Сатиру ставить «Доходное место»... Собрал артистов, произнес длинный спич — так сказать, обозначил ориентиры и цели. Я был молод, трепетал, но собственной речью остался доволен. Был уверен: все хорошо! Не успел закончить — слышу голос Татьяны Пельтцер: «Что же это происходит? Как только человек ничего не смыслит в

Настоящая хулиганка по жизни, она и в восемьдесят лет продолжала курить, пить крепчайший кофе и все время бегать-бегать-бегать. Она никогда не ходила пешком. А тут — беспомощность, постоянный надзор...

не дано. Попасть к ней «на язычок» боялись многие, Татьяна Ивановна имела привычку рубить правду-матку. Причем с годами не менялась. К примеру, отработав тридцать лет в Сатире, став лидером труппы, звездой репертуара, она махом отсекала прошлое, перейдя в театр имени Ленинского комсомола вслед за лю-

театре, обязательно берется за режиссуру!... Так я впервые увидел Пельтцер.

Составила завещание на Миронова, но он ушел первым

— Татьяна Ивановна частенько шутила по поводу своей внешности: «Вопреки

завещениям родителей, я никогда не была молодой, так и родилась морщинистой старушкой», — рассказывает актриса Татьяна Кравченко. — Она умела относиться к жизни с юмором и никогда не падала духом.

Последнее — это о личной жизни. Будучи уже заслуженной артисткой, Пельтцер все еще жила в общежитии. Только в 50-х, узнав, что Театр сатиры начинает строить кооперативный дом на станции метро «Аэропорт», стала пайщицей. Едва переехав, забрала к себе неприкаянного отца, как раз выставленного молодой женой. Так и доживали век вместе. Параллельно ухаживала за братом, совершенно больным и покинутым собственным семейством, по этой причине отеклась от единственного племянника, не простив его. Другой родни не было... Зато были друзья. Она обожала Андрея Миронова, даже составила завещание на его имя, но Андрей умер прежде дарительницы, и с тех пор напуганная Пельтцер никаких завещаний не писала. Обожала сына своего бывшего мужа, с которым, кстати сказать, не прекращала общаться до конца дней, провоцируя невероятную ревность со стороны второй жены. Вспоминая Ганса Тейблера, любила повторять реплику тети Тони из постановки «Проснись и пой!»: «Нас разлучила история...» Что разлучило с другими — сказать трудно.

В ее квартире на улице Чернышевского перегостила вся Сатира, а затем весь Ленком. К ней забегали на минутку — и оставались на не-

сколько дней. Она любила курить, очень любила преферанс, могла играть ночи напролет. У нее непрерывно занимали деньги — как правило, безвозвратно.

Татьяна Ивановна искренне считала себя счастливым человеком. Но все перечеркнула болезнь. Наследственный атеросклероз. Провалы в памяти стали для Пельтцер трагедией. Настоящая хулиганка по жизни, она и в восемьдесят лет продолжала курить, пить крепчайший кофе и все время бегать-бегать-бегать. Она никогда не ходила пешком. А тут — беспомощность, постоянный надзор... Она мечтала умереть в собственной постели, только не в казенном доме — но вышло по-другому. Как-то раз, вновь оказавшись на больничной койке, предоставленная самой себе, неумная и непоседливая, она упала и сломала шейку бедра. Для 88-летнего человека исход был ясен... 16 июля 1992 года Татьяны Пельтцер не стало.

Татьяну Ивановну похоронили на Немецком кладбище, рядом с отцом и братом.

А незадолго до смерти она раздала все свои самые ценные вещи друзьям: пса Патрика — горячо любимой Ольге Аросовой, библиотеку — Марку Захарову, перстень — Тане Кравченко, ломберный стол — Александру Абдулову... Друзей было много. Квартира опустела быстро. Память осталась.

■ Рита Болотская.

фотограф Валерий Потников

татьяна пельтцер:

я родилась морщинистой старушкой

Тельтцер Татьяна

10.07.2002

193